Бернар Фрио

НОВЫЕ НЕТЕРПЕЛИВЫЕ ИСТОРИИ

Вторая 2 часть

Annotation

Всем давно известно, что дети думают по-другому. Их мир полон невероятных приключений, и совершенно непонятно, как из них вырастают такие скучные взрослые. Они до ужаса нетерпеливы, и длинные истории с неприкрытой моралью заставляют их лишь зевать да пересчитывать птиц за окном. Известному французскому писателю Бернару Фрио повезло: конечно, он, как и все остальные, вырос, но быть скучным — не его удел. В своих миниатюрных зарисовках он описывает настоящую детскую жизнь, где учитель оказывается серым волком, обидевшийся на родителей сын передает им прощальный привет с Марса и просит оставить у двери на чердак посылку с сэндвичами и йогуртом, а попугай учит географию, чтобы улететь к своим друзьям в Амазонию.

Вы держите в руках вторую книгу — «Новые нетерпеливые истории», где вас поджидают еще три десятка коротеньких историй с ироничными иллюстрациями Леонида Шмелькова.

…«Новые нетерпеливые истории» французского писателя Бернара Фрио вслед за «Нетерпеливыми историями» спешат рассказать о том, что творится вокруг.

Фабьен не может уснуть и выходит из дома… Зачем же он направился к телефонной будке?

Родители другого героя создали специальную компьютерную программу для правильного воспитания сына: в ней предусмотрено всё — даже время на шалости. Но, может, кое-чего программа всё же не учла?

Поселившаяся в холодильнике компания снеговиков затащила к себе беднягу, который всего-навсего

заглянул за кусочком шоколадного торта! Неужели сластёна теперь покроется инеем и замёрзнет?

…Скорее открывай книжку! Скучать не придется!

- Бернар Фрио
  -
  - Продолжение и конец
  - Вор
  - Цветочек
  - Малюсенькое объявление
  - Автоответчик
  - История-телеграмма
  - Червячки
  - * * *
  - Робот
  - Как сказать?
  - Вот так всегда
  - Автобус
  - Программа
  - Серый волк
  - Секрет
  - Марсианин
  - Ребёнок-палач
  - Вежливый
  - Уборка
  - Никого
  - Мама
  - Приём у врача
  - Я тебя лубью
  - Холодильник
  - Диалог
  - Рокси
  - Если…
  - Большой-маленький
  - Комар

- Голод
- Моя сестра
- Письмо автору

Бернар Фрио
Новые нетерпеливые истории

Бернар Фрио

НОВЫЕ НЕТЕРПЕЛИВЫЕ ИСТОРИИ

Продолжение и конец

Волк состарился и очень устал от жизни. Годы напролёт он гонялся за тремя поросятами и никак не мог их поймать. Теперь он с трудом передвигался — и то в инвалидном кресле.

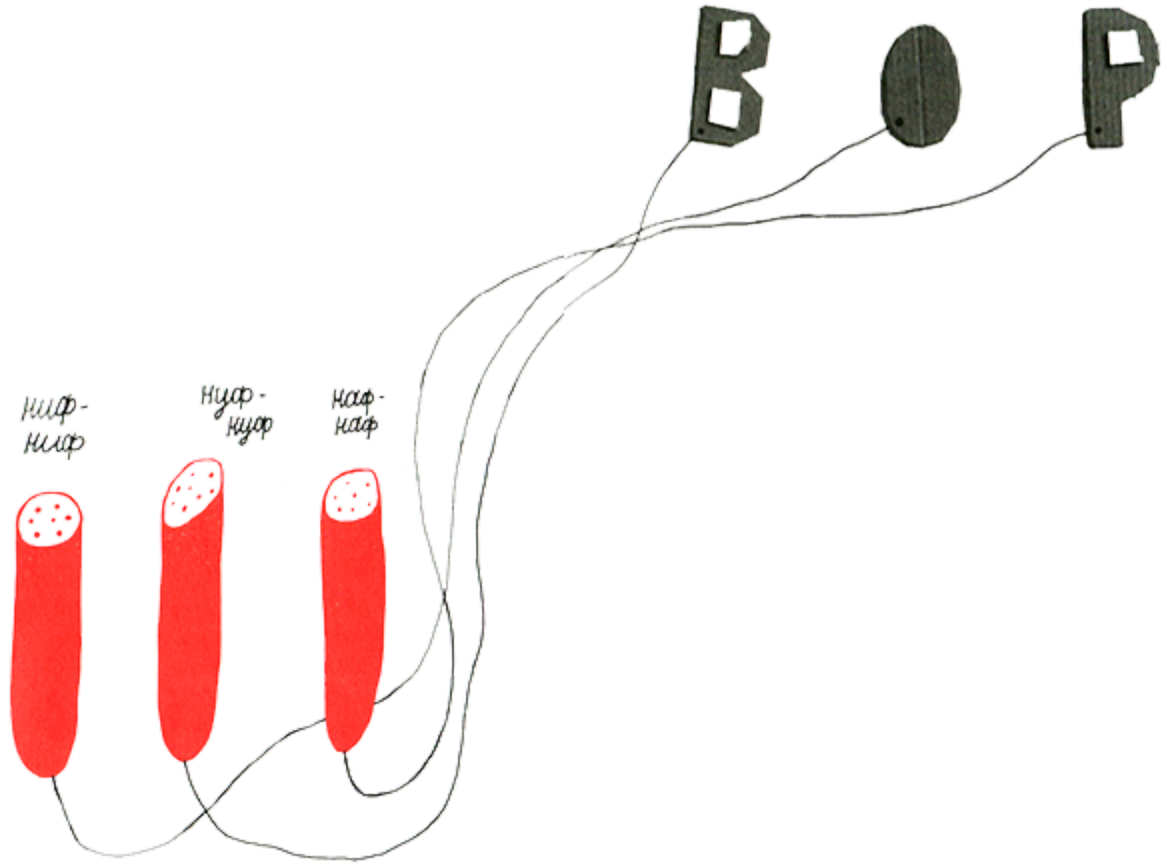
Три пороеёнка тоже постарели. Но жизнь у них удалась, и проводили они её в своём кирпичном домике. Они всегда вдоволь наедались и по сей день сохранили румянец и жирок.

Одна беда — город все эти годы беспрестанно рос и приближался к лесу. Однажды совсем рядом с домиком трёх поросят без их ведома построили торговый центр с булочной, табачным киоском, аптекой и мясной лавкой.

Как-то утром, когда поросята резвились в саду, их заметил мясник. Он быстренько позвонил на скотобойню, и уже через пару часов три пороеёнка превратились в свинину.

С тех пор волк каждый день ездит в инвалидном кресле в мясную лавку и покупает три кусочка ветчины, три котлетки и три колбаски. Свинина высшего качества!

Вор



Раньше я боялся воров. Каждую ночь я слышал, как они рылись в моём шкафу. Я молниеносно включал лампу у изголовья кровати, но было поздно. Они сразу чувствовали, что я проснулся, и бесследно исчезали.

Когда я рассказывал об этом папе, он надо мной смеялся.

«Не выдумывай, — говорил он. — Воры прекрасно знают, что у нас нечем поживиться. И потом, прибавлял он, похлопывая себя по груди, словно орангутан, — ты забываешь о том, что в доме есть я, чтобы тебя защищать!»

Так-то оно так, но однажды ночью я увидел одного из воров. Я держал руку на выключателе, поэтому, как

только его услышал, сразу включил свет и не прогадал. Думаю, вор меня тоже испугался. Потому что вместо пижамы я надел футболку с изображением скелета, и это не могло не произвести впечатления.

— Послушайте, — сказал я ему, — вы здесь ничего особенного не найдёте. Лучше сходите в комнату к папе, он прячет кошелёк под подушкой.

Вор посмотрел на меня с изумлением. Но на всякий случай снял с полки мою копилку. Мне было по барабану — я ни разу не опустил туда ни единой монетки. Там лишь выплюнутые жвачки и мои козявки.

Как только вор ушёл, я подбежал к закрытому окну. Злодей только что вскарабкался по лестнице к папе. Я открыл окно и, дотянувшись до лестницы, слегка её сдвинул, а затем помчался в отцовскую спальню.

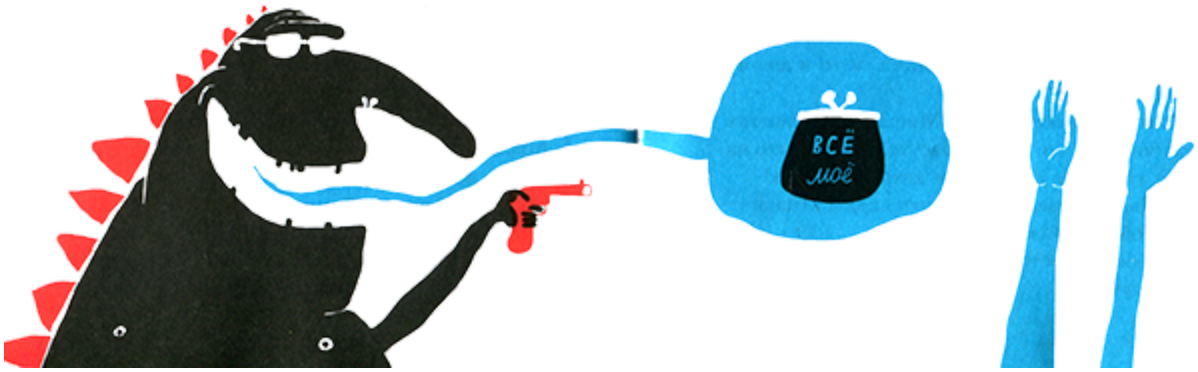
Я наклонился и посмотрел в замочную скважину. Папа лежал, воздев руки к потолку, и дрожал, будто недожаренное яйцо на сковородке, в то время как его зубы стучали не хуже кастаньет.

— Отдавай бумажник! — приказал вор. — И не прикидывайся, я знаю, что он у тебя под подушкой!

Папа с покорным видом достал кошелёк и протянул вору.

Я пулей вернулся в свою комнату и спрятался под одеялом. Через пару секунд я увидел, как вор вылезает из соседнего окна. Я сделал вид, что умираю от страха. Он перешагнул через карниз, поставил ногу на ступеньку и… бам-бам-бам! — покатился на землю. Я быстро закрыл ставни и снова лёг в постель. Думаю, никогда раньше я ещё так крепко не спал.

И с тех пор я перестал бояться воров. Чего не скажешь о папе. Он просыпается, как только слышит малейший шум, и больше не может сомкнуть глаз. Иногда по доброте душевной я разрешаю ему поспать в своей комнате. На ковре.


ВСЁ
моё

Цветочек

Мадам Миш***а*** очень любит своего сына. А поскольку она любит еще и цветы, она всегда называет его «мой цветочек».

Сын мадам Миша страшно боится, что его когда-нибудь примут за растение. Поэтому он каждый раз говорит:

— Не называй меня «мой цветочек», меня зовут Миша.

— Хорошо, мой цветочек, — отвечает мадам Миша.

Как-то утром мадам Миша стирала в раковине носки, а её сын завтракал. И вот, не глядя на него, мадам Миша говорит:

— Цветочек мой, поторопись, а то в школу опоздаешь.

Сын не отвечает. Мадам Миша оборачивается и кричит так, что стены трясутся, потому что на стуле, где сидел сын, теперь лежит… цветок!

— Цветочек мой! — кричит мадам Миша. — Что с тобой произошло?

Она берет цветок в руки, гладит его, ласкает, целует, утешает.

— Бедный мой цветочек, мой бедный цветочек, — приговаривает она. — Что же делать? Ты ведь должен идти в школу! У вас сегодня диктант и тест по умножению!

Внезапно её осеняет идея. Она перевязывает цветок бантиком, заворачивает в бумагу, как младенца в пелёнки, и приносит в школу. Отыскав учителя, она показывает ему сверток и говорит:

— Это мой цветочек. Мой бедный цветочек, он превратился в настоящий цветок.

Учитель смотрит на неё с изумлением и отвечает:

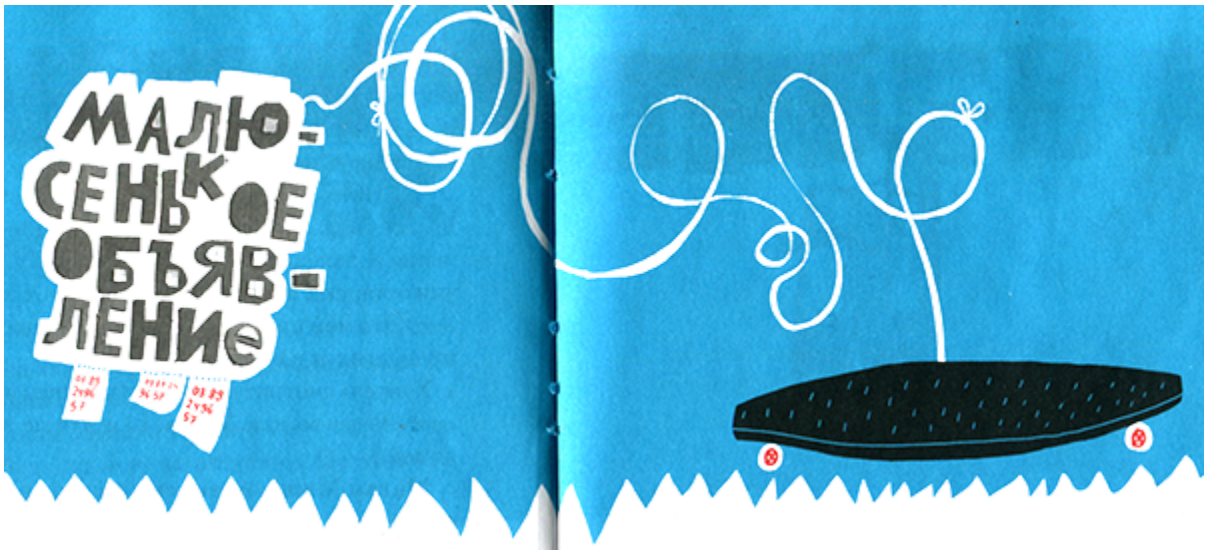
— Да-да, мадам Миша. Вам лучше вернуться домой.

Мадам Миша отдает ему свёрток и возвращается домой.

Угадайте, кто поджидает её дома, развалившись на диване перед телевизором? Конечно же, сын.

Мадам Миша сердится. Она до сих пор не простила сына. Зато теперь больше не называет его «мой цветочек», вместо этого она говорит: «Ты просто редиска!» или «Ну ты и перец!»

Малюсенькое объявление



Особенно сложно было начать.

Я попытался: «Мальчик. Высокий, худой, с очень красивыми глазами бирюзового цвета, с длинными светлыми кудрявыми волосами, с правильными чертами лица, отличник по всем предметам, первая премия за игру на рояле и на банджо, спортсмен высокого уровня, прекрасно образованный, привлекательный, скромный, утончённый…»

Но это было слишком длинно.

Тогда я попытался иначе: «Млчк, пркрсн вншнсть, глб глз, свтл влс, тлчнк, мзклн дплм, спртвн, скрмн, изскн…»

Но это было не очень понятно.

Тогда я попытался так: «Мальчик. Восхитительный…»

Но это было суховато.

В итоге я всё-таки придумал хорошую формулировку:

«Мальчик, красивый, умный, способный, спортивный, приятный, — продаст скейтборд в хорошем состоянии. Тел. 03 89 24 96 57. Звонить в обеденный перерыв».

Автоответчик

Поздно. Фабьен включает прикроватный торшер, надевает очки, смотрит на будильник: 21:53. Выключает свет. Он не боится темноты. По крайней мере, не слишком.

Он долго ждёт, лежит с широко открытыми глазами. Он знает, что не сможет уснуть. Включает свет: 22:01. Всего-то.

Тогда он встаёт, надевает куртку, сапоги, повязывает на шею шарф. Открывает входную дверь, зажав ключ в кулаке, включает свет на лестничной площадке, вызывает лифт, ждёт.

Двери лифта открываются. Фабьен нажимает на кнопку «1». Первый этаж, одиннадцать этажей вниз.

Он минует холл, выходит на улицу. Холодно. Впереди по улице через 200 метров стоит телефонная будка. В кармане куртки он ищет телефонную карту. Затем входит в будку и набирает номер.

Голос отвечает:

«Здравствуйте, вы позвонили Марлен Бара. Сейчас меня нет дома. Пожалуйста, оставьте сообщение после сигнала. Спасибо и до скорого».

Фабьен дожидается сигнала и говорит:

— Добрый вечер, мама. Я не могу заснуть. Когда будешь дома, приди пожелать мне спокойной ночи.

Вот и всё. Он вешает трубку, возвращается домой, выключает свет и засыпает. Довольно быстро.

История-телеграмма

ДРАКОН КРАДЁТ ПРИНЦЕССУ — КОРОЛЬ ПРОСИТ РЫЦАРЕЙ СПАСТИ ПРИНЦЕССУ — ТРИ РЫЦАРЯ ИДУТ ПО ЛЕСУ — АТАКУЮТ ДРАКОНА — ПЕРВЫЙ РЫЦАРЬ УГОЛЁК — ВТОРОЙ ЛЕПЁШКА — ТРЕТЬЕГО СЪЕДАЮТ ЗПТ КАК ХЛЕБНУЮ КРОШКУ — КОРОЛЬ ГОРЮЕТ — ПОЧТАЛЬОН МОЗГУЕТ — ОТПРАВЛЯЕТ ЗАМИНИРОВАННУЮ ПОСЫЛКУ ДРАКОНУ — СВИСТ — ДРАКОН ВЗОРВАН — ПРИНЦЕССА ЗАМУЖ ПОЧТАЛЬОНА — СЧАСТЬЕ КОРОЛЯ — БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ — СКИДКА НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ БИЛЕТЫ ТЧК

Червячки

Мне было скучно, ох как скучно!

Папа зазвал в гости толпу важных людей со своего завода и заставил меня ужинать вместе с ними. Когда я вошёл в гостиную, он представил меня так: «А вот и ваш будущий шеф!» Потому что папа хозяин завода и потом передаст дело мне.

Пока я сидел в ожидании своего огромного наследства, гости разговаривали о всяких вещах, которые меня совершенно не интересовали и которых я даже толком не понимал. Поэтому я обрадовался, когда папа попросил меня сходить за салатом. У меня ноги затекли от бессмысленного сидения.

Я пошел на кухню. На маленьком столике все было уже приготовлено: по хрустальной вазочке каждому из гостей, с листьями салата, креветками и жареным миндалём для украшения.

Увидев вазочки с салатом, я вдруг подумал, не знаю почему, о червяках для рыбной ловли, которых я храню в холодильнике сразу за коробкой с творогом.

Я вынул свой клад; из холодильника и положил по червячку в каждую порцию салата с креветками.

Затем я прикатил маленький столик в гостиную. Я обслужил гостей и сел на свое место.

Больше я не скучал. Я забавлялся, глядя на то, как все реагируют на своих червяков. Все, кроме папы. Он постоянно говорил, поэтому проглотил салат и червяка, ничего не заметив.

Мадам Дюмон, секретарь, чуть не задохнулась, когда увидела милого маленького червяка, который извивался в обществе креветок. Но мадам Дюмон оказалась хитренькой. Она посмотрела направо, налево, подцепила червяка кончиком ножа и — раз! — откинула его подальше. Словно его и не было.

Господин Лешансю, главный бухгалтер, меня сильно впечатлил. Обнаружив подарочек, он и бровью не повел: аккуратно завернул червяка в лист салата и невозмутимо его проглотил.

Но смешнее всех оказался господин Террье, глава отделения информатики. Увидев червяка, он стал так яростно икать, что уронил очки в тарелку. Затем он извлёк их из тарелки, нацепил на нос и с ужасом посмотрел на бедного червячка, словно тот собирался запрыгнуть на его физиономию. Это длилось минуты две. Тогда я решил ему помочь и спросил:

— Вам не нравятся креветки, господин Террье?

Он пролепетал:

— Нет-нет… то есть да… я имею в виду, нравятся, конечно, нравятся…

И он смело пошёл в атаку. Одним махом он проглотил червячка, заел огромным куском хлеба и запил стаканом воды. Какое у него при этом было лицо! Я так смеялся, что мне пришлось прикрыть лицо салфеткой.

Но внезапно отец призвал меня к порядку: Жан-Виктор, поторопись со своим ужином. Все уже давно поели.

Он говорил голосом директора. Я не стал спорить. В два счёта я проглотил салат.

И червячка.

* * *

Элиза-Мари Лаланд сидит в ресторане с родителями. Метрдотель принимает заказ. Элиза-Мари тычет пальцем в меню, указывая на выбранное блюдо:

— Я хочу бульон из омара, — говорит она, — потом рагу с мясом косули и шарлотку с персиками.

Метрдотель записывает, кивает и уходит.

Через несколько минут появляется официант и ставит перед Элизой-Мари большую белую тарелку. На тарелке — миска из красного фарфора с позолотой, а в ней — бульон из омара.

Элиза-Мари двумя руками поднимает миску и опрокидывает содержимое на стол.

— Я это не хочу! — говорит она.

Прозрачный бульон стекает по скатерти на ковёр и на шелковую юбку мадам Лаланд. Мадам Лаланд бросает удивленный взгляд на дочку, отряхивает юбку и продолжает разговаривать с мужем.

Официант, поджав губы и нахмурив брови, подлетает к столику, вытирает скатерть и пол. Юбку мадам Лаланд не трогает. Затем он забирает тарелку, миску и уходит.

Через несколько минут появляется другой официант и ставит перед Элизой-Мари тарелку.

— Рагу с мясом косули, — объявляет он. Элиза-Мари двумя руками поднимает тарелку и опрокидывает еду на стол.

— Я это не хочу! — говорит она.

Соус на скатерти, на стене, на галстуке господина Лаланда.

— Ох, Элиза! — вздыхает господин Лаланд. Официант в гневе забирает тарелку. Через четверть часа появляется уже новый официант с новой тарелкой. Шарлотка с персиками и клубничный сироп.

Двумя руками Элиза-Мари поднимает тарелку и опрокидывает всё на стол.

— Я это не хочу! — говорит она.

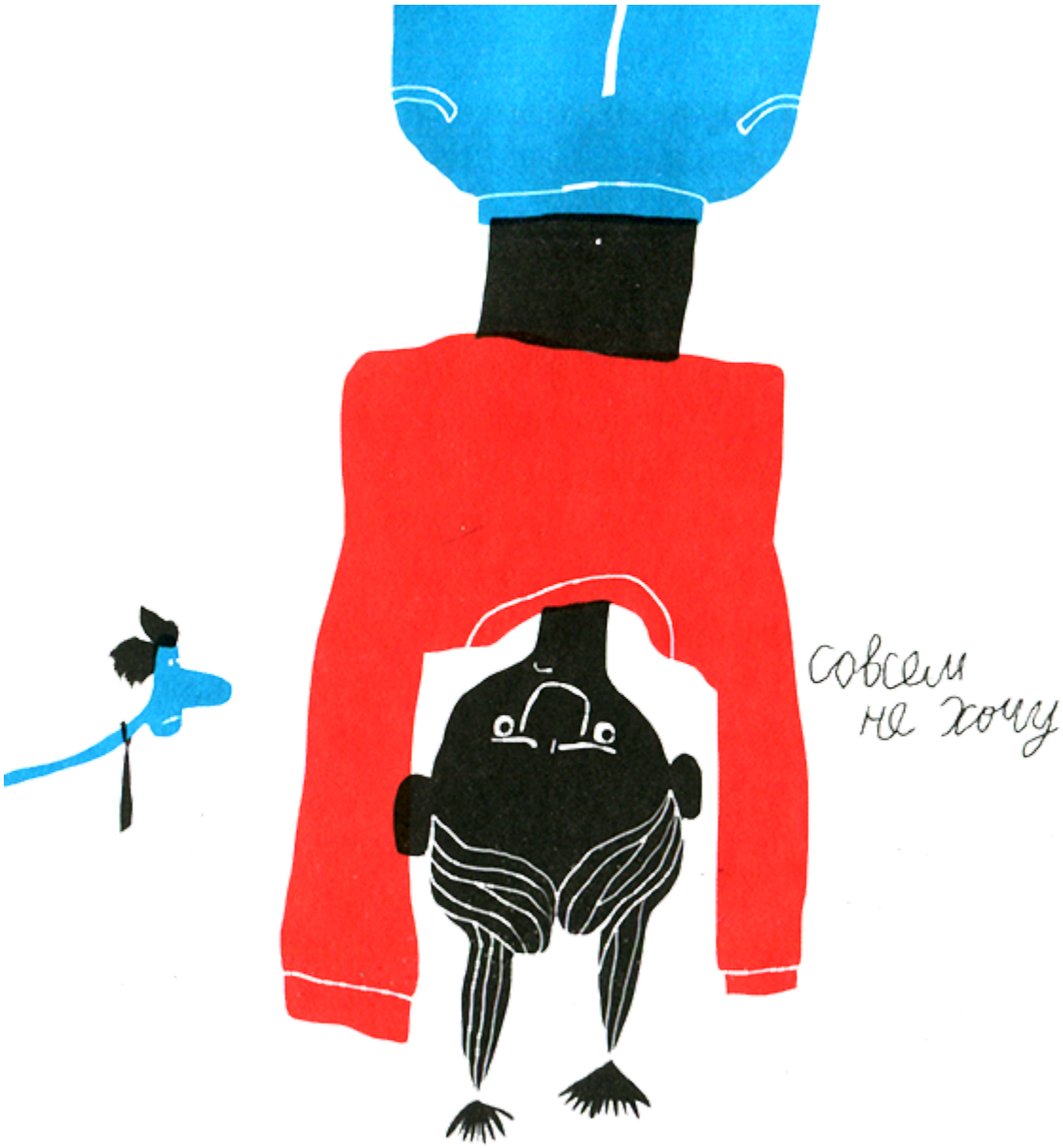
Сироп течёт и капает на пол. Капли на скатерти, на стульях, на рубашке господина Лаланда, на корсаже мадам Лаланд. Однако ни один из них не придаёт этому значения.

Тогда официант двумя руками поднимает Элизу-Мари и опрокидывает её на стол.

— Я это не хочу! — говорит он.

Одна туфелька Элизы-Мари соскальзывает на ковёр, кофточка падает под стул.

— Дорогая, веди себя прилично! — говорит мадам Лаланд.


совсем
не хочу

Робот

У меня есть робот. Я сам его придумал. Долго делал, но всё-таки получилось.

Я его никому не показываю. Даже маме. Он спрятан в дальней комнате, куда никто не заходит и где ставни всегда закрыты.

Мой робот большой. И очень сильный, но в меру. Он умеет разговаривать. Мне нравится его голос.

Мой робот очень способный. Когда мне нужна помощь с домашним заданием, он мне всё объясняет. Когда я играю в лего, он помогает. Однажды мы вместе построили ракету и спутник.

Во второй половине дня, когда я возвращаюсь из школы, он меня ждёт. Мне не обязательно ходить с ключом на шее. Он всегда открывает мне дверь.

Потом он готовит мне полдник, тост с маслом и какао. А я рассказываю ему про школу, про друзей, про всё…

Как-то раз я опоздал. Рядом со школой произошёл несчастный случай, мотоцикл столкнулся с автобусом. Я видел, как санитары переносили раненого в скорую помощь. Когда я вернулся домой, было уже почти шесть часов.

Робот поджидал меня внизу, у лестницы. Увидев меня, он подбежал, схватил меня за плечи и хорошенько встряхнул с криком:

— Ты видел, который час? Ты знаешь, сколько времени? Где ты был? Ты мог бы меня предупредить…

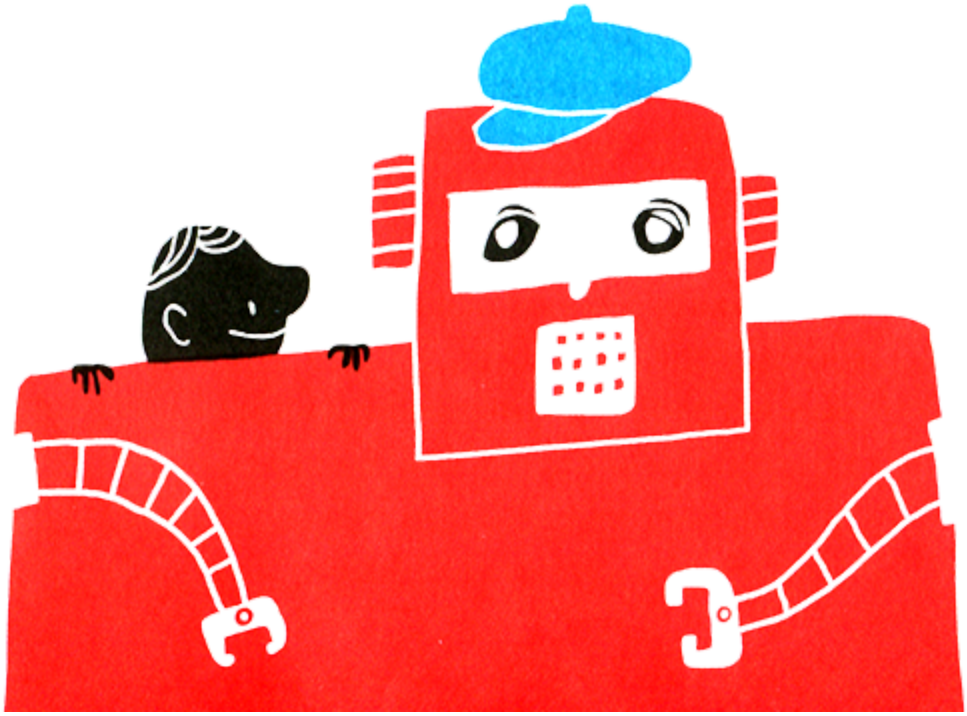
Я ничего не сказал. Я повесил голову. Тогда он сел на корточки и тихо произнёс:

— Пойми, я беспокоился…

Я посмотрел на него. Прямо ему в глаза. И действительно увидел беспокойство. Но не гнев. Тогда я обнял его за шею, а он взял меня на руки и отнёс домой.

Я люблю своего робота.

Я называю его: папа.



Как сказать?

Мой папа учитель французского… (простите: мой отец преподаст французский язык и литературу. Изо дня в день это не так уж и классно! То есть я хочу сказать: иногда профессия моего отца создаёт мне некоторые неудобства.

На днях, например, я выпиливал лобзиком и порезал большой палец. Глубоко! Я побежал к папе, он читал в гостиной.

— Папа! Папа! Скорей! Бинт! Я истекаю кровью! — прокричал я, показывая ему пораненный палец.

— Я бы попросил тебя доходчиво выразить свою мысль, — ответил папа, не отрывая носа от книги.

— Дорогой отец, — поправился я, — я рассёк палец надвое, и теперь кровь рекой струится из раны.

— Вот это чётко и ясно, — сказал папа.

— Так поторопись, мне ужасно больно! — вырвалось у меня.

— Люк, такого языка я не понимаю, — ответил бесчувственный папа.

— Боль нестерпима, — перевёл я, — я был бы тебе невероятно признателен, если бы ты, не теряя ни минуты, оказал мне необходимую помощь.

— Так намного лучше, — начал довольный папа. — Рассмотрим поближе эту разверстую плоть.

Он отложил книгу и увидел, что я корчусь от боли, сжимая кровоточащий палец.

— Ты что, совсем ку-ку? — заорал он. — Вали отсюда быстро! Ты испоганил ковёр! Быстро в ванную! И убери от меня свой кровавый палец! В какую мясорубку ты его совал?

Я чуть было не ответил ему: «Дорогой отец, ваш способ выражать мысли мне глубоко чужд. Я был бы вам признателен, если бы вы говорили по-французски». Но я предпочёл смолчать.

В любом случае я его прекрасно понял. У меня ведь талант к языкам.

Вот так всегда

Вот так всегда…

Учительница встаёт у стола и берётся за спинку стула. Начинает рассматривать нас, одного за другим. Или скорее — инспектировать нас. Наконец она садится (хотя на самом деле на стуле помещается только половина её попы). Внезапно она вскакивает, так что всё на ней трясётся — щёки, грудь, живот, жир на руках, — сердито смотрит на меня и кричит:

— Хулиган! Опять ты! Вечно ты!

Сегодня я положил ей на стул красивое и свежее, только что снесённое яйцо.

Учительница встала у стола и взялась за спинку стула. Разглядела каждого из нас по очереди. Или скорее — проинспектировала. Наконец села (хотя на самом деле на стуле помещается только половина её попы). Внезапно она вскочила, так резко, что всё на ней затряслось — щёки, грудь, живот, жир на руках, — сердито посмотрела на меня и закричала:

— Хулиган! Опять ты! Вечно ты!

Говорю же: вот так всегда.

Только в тот раз было по-другому.

Автобус

Это был автобус. Хотя не совсем, потому что у него было только два колеса. Скорее — велосипед. Но не совсем, потому что у него был ещё и винт. На самом деле это был вертолёт. С трубой, которая выплёвывала дым, как паровоз. Тем не менее он не шёл по рельсам. Он плыл по воде, как корабль. И всё-таки это был автобус. Кроме того, им управлял водитель автобуса.

Или, лучше сказать, некто вроде водителя автобуса. Потому что на нём не было фуражки. Из-за колючек на голове. Но вроде это был и не совсем ёжик. Ведь на нём был черепаший панцирь. И копыта у него были словно у

лошади. А карман на животе — словно у кенгуру. А длинная-длинная шея — словно у жирафа. Но всё же это был водитель автобуса. Раз он управлял автобусом.

Программа

Его папа был психологом, его мама — инженером-информатиком. Вместе они разработали ему воспитательную программу. Всё было предусмотрено: суточная порция шпината в граммах; время, когда он должен идти спать в субботу 3 июля; поцелуи и нежности, на которые он имел право (в среднем 2,1 поцелуя в день; 4,3 по праздникам); носки определённого цвета, которые он наденет на своё восьмилетие…

Каждое утро его будил компьютер, несколько фальшиво напевая: «Вставай, маленький человек», затем объявлял ему программу на день.

Он беспрекословно слушался и не роптал. Его на это запрограммировали. Одно его смущало: время от времени компьютер объявлял: «Сегодня в 16:32: шалить».

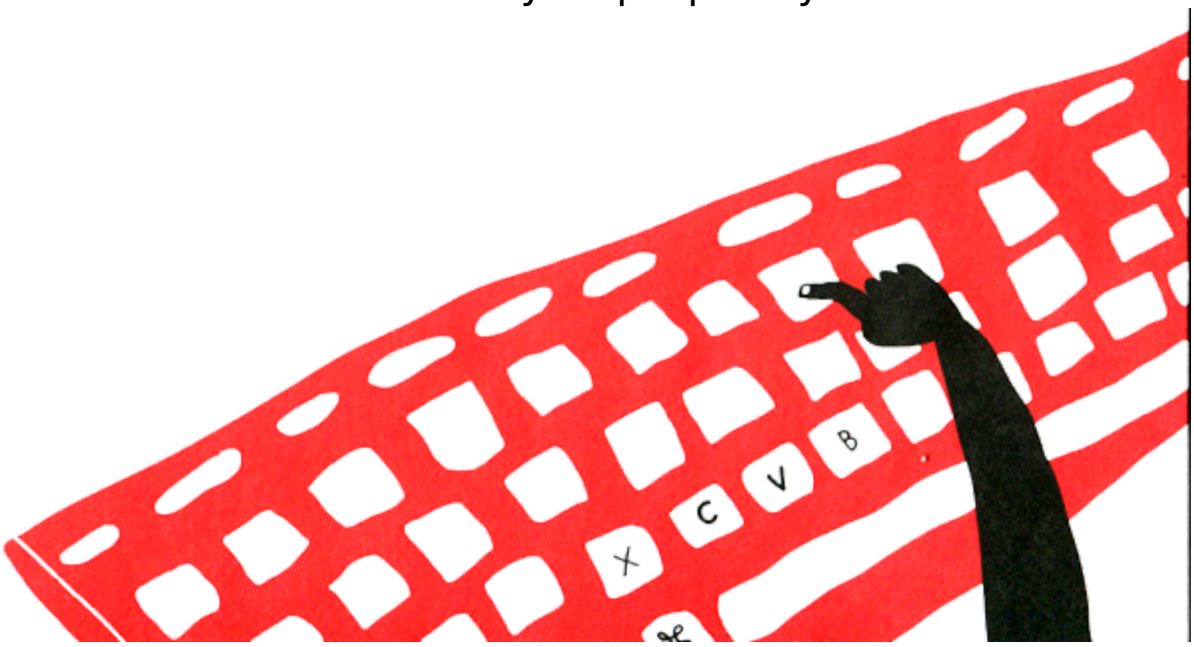
Родители знали, что нормальные дети иногда шалят. «Это неминуемо и даже полезно для его

внутреннего баланса», — говорили они.

Но он это ненавидел. И не потому, что его потом ругали. Он чувствовал, что родители только делают вид, что сердятся, а на самом деле они даже гордятся тем, что он изобретает оригинальные шалости. Как раз в этом-то и заключалась проблема. У него не было воображения, и приходилось часами напрягаться, чтобы каждый раз выдавать разные шалости. Однажды вечером, когда родители устроили приём, он пустил электрический ток по ручке входной двери. Он бросил в бассейн пираний, когда мама купалась. Он превратил кресло своего школьного учителя в катапульту. И натворил ещё много чего.

Но теперь у него истощился запас шалостей. Он в самом деле понятия не имел, что ещё придумать. И в то утро, когда компьютер вновь объявил: «Сегодня в 7:28: шалить», у него случился ступор. Оставалась только одна невоплощённая шалость. Это было очевидно.

Он сел перед компьютером, нажал на все кнопки и уничтожил воспитательную программу.



Серый волк

Антуан вбегает в класс. Он, как всегда, опоздал.

— Месье, месье! — кричит он, задыхаясь. — Ночью я видел серого волка.

— По телевизору? — спрашивает Селин.

— Нет, по-настоящему!

— Чушь, — говорит Фабьен.

— Интересничает, — говорит Валери.

— У-у-у… серый-серый волк! — орёт Дамьен ради смеха.

Учитель надвигает шляпу на уши.

— Клянусь вам, — говорит Антуан. — Он был одет как человек, но я видел его лапы, покрытые шерстью, и длинные когти, вот такие!

— Накрашенные ногти? — спрашивает Алина, покатываясь со смеху.

Весь класс надрывает животы.

Учитель в чёрных перчатках поднимает воротник пальто.

Антуан сердится:

— Но я же говорю вам, что видел его! Даже его треугольные уши и два больших клыка вот здесь, как у волка. И глаза! Красные-красные, словно огонь! Я ужасно испугался, когда он побежал за мной! Даже не знаю, как мне удалось от него спастись…

Но никто уже не слушает Антуана, и он с печальным видом садится на своё место.

— Замолчите! — кричит учитель хриплым звериным голосом.

Спрятав глаза за тёмными очками с толстыми стёклами, он смотрит на Антуана и цедит сквозь зубы:

– В следующий раз я тебя догоню!

Секрет

Я знаю, точно знаю: мой папа мне не папа, а мама мне не мама.

Я знаю это, потому что это очевидно.

Это очевидно, потому что иначе быть не может.

Я сын короля.

Но говорить этого нельзя, это секрет. Когда я родился, меня подменили другим ребёнком. Такое случается, я по телевизору видел, в фильме. Но другой ребёнок вскоре умер. И теперь король с королевой думают, что у них нет детей. Хотя у них есть я.

Премьер-министр заменил меня другим ребёнком. Он хотел отомстить и всё унаследовать. Как Эдгар в «Котах-аристократах». Но однажды меня найдут, и когда я вырасту, то стану королём.

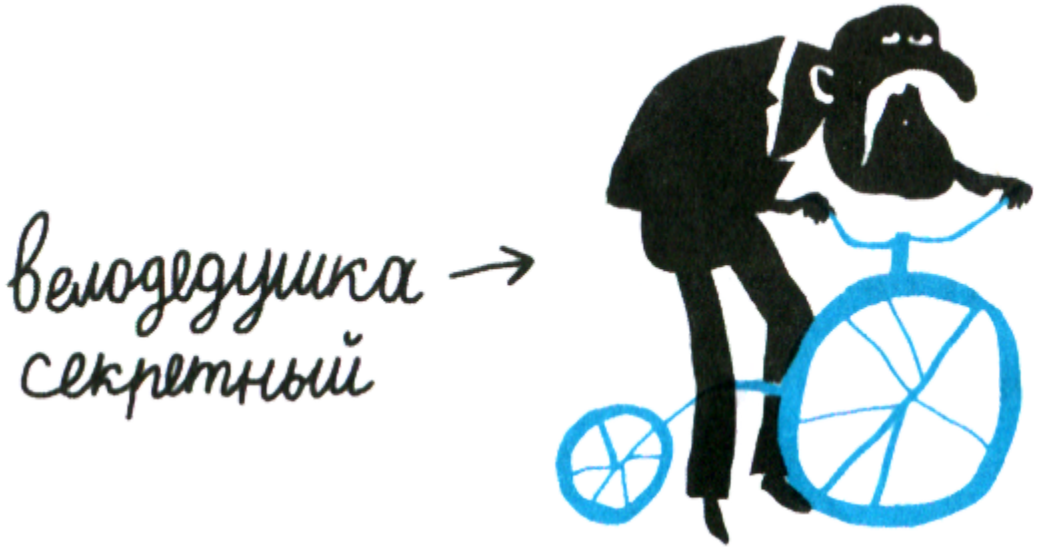
Представляю себе папино лицо. Он больше не осмелится обзывать меня недотёпой и злиться всякий раз, когда я что-нибудь разбиваю, хоть я и не нарочно… В любом случае он не мой папа.

Мама горько пожалеет, что заставляла меня есть брюссельскую капусту, которую я ненавижу. Ей

придётся просить прощения. Но я скажу: «Ничего, не стоит внимания, мадам». А потом, когда я приглашу её в свой замок, прикажу подать на обед кишки и холодную кровяную колбасу, потому что она это терпеть не может.

Теперь, когда они меня ругают, мне всё равно. Я думаю про себя: «Когда вы узнаете, кто я, вы пожалеете!»

Разумеется, я пока им ничего не рассказывал. Это секрет. Вам я говорю, потому что вы всё равно не слушаете. Но это правда. Так что никому ни слова, пожалуйста.



Марсианин

Планета Марс, девять вечера.

Дорогой папа, дорогая мама!

Наконец-то я на Марсе. Надеюсь, что вы с самого утра очень волнуетесь и что вы всюду меня искали. Вообще-то я наблюдал за вами со своих шпионских спутников и видел, как вы места себе не находили. Папа даже сказал: «Это невозможно, должно быть, с ним что-то случилось!» (Как вы теперь понимаете, у меня есть супермощные микрофоны для очень больших расстояний.)

Итак, мне немного стыдно это говорить, но я всё-таки скажу, потому что это правда: я ужасно рад, что вы переживаете. В конце концов, это ваша ошибка. Если бы вы не запретили мне пойти в кино с Франсуа, я бы не улетел. Мне надоело, что вы обращаетесь со мной как с малышом! Да, конечно, я зря обозвал вас старыми садистами, но ведь мама обзывала меня рохлей-переростком, так что мы квиты.

Не спрашивайте у меня, как я сюда добрался, это секрет, и я дал клятву не выдавать его. В любом случае мне очень нравится на Марсе. Люди здесь не слишком красивые, но очень доброжелательные. Никто не выносит мозг, когда ты получаешь трояк по географии. Ну, вы понимаете, на кого я намекаю…

Впрочем, здесь есть и довольно странные вещи. Не говоря уж о специальной породе скарабеев, которых марсиане едят на закуску. Но на Земле тоже есть много гадких блюд. Например, брюссельская капуста.

Круче всего тут производят детей. Мальчику и девочке достаточно посмотреть друг другу в глаза, и — хоп! — они становятся родителями. У меня уже полдюжины детей. Думаю, мне придётся носить темные очки. Так безопаснее.

Я бы мог рассказать вам ещё кучу всего, но предпочитаю на этом остановиться. Будьте здоровы и, надеюсь, до скорого.

Фелисьен

P.S. Пожалуйста, пришлите мне пару сэндвичей с колбасой, клубничный йогурт и бутылку виноградного сока. Кстати, вы ещё сердитесь?

P.P.S. Оставьте посылку и письмо рядом с дверью на чердак. И не беспокойтесь. Всё дойдёт.

Ребёнок-палач

— Перестань плевать в суп! — говорит папа. — А то я тебе уши надеру до крови.

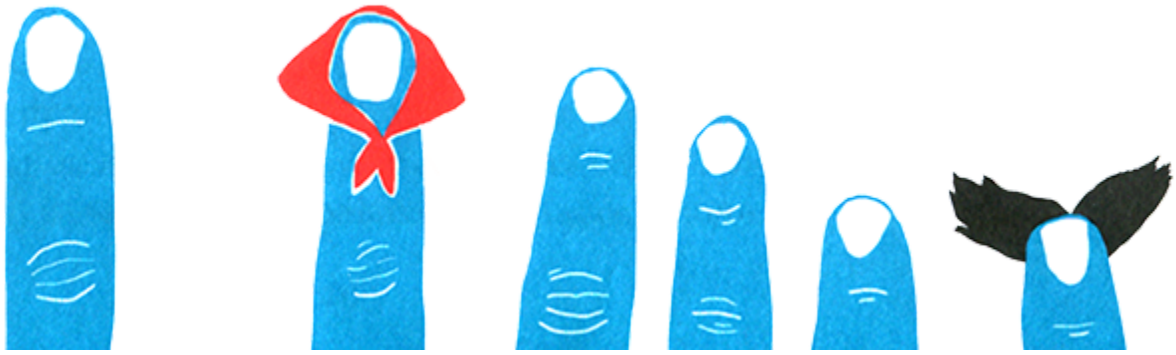
— Перестань кидать помидоры в потолок! — говорит папа. — А то я тебя утоплю в сортире.

— Перестань колошматить маму куриной ногой! — говорит папа. — А то я посажу тебя в камин и поджарю твои собственные ноги.

— Перестань сваливать пюре бабушке за шиворот! — говорит папа. — А то я намажу тебя вареньем и оставлю в осином гнезде.

— Перестань пулять в младшего брата арбузными корками! — говорит папа. — А то я порежу тебя на колбасу и отдам собаке консьержки.

Но пострел не слушает отца и выливает горячий кофе на голову тётушке Амелии. Тогда папа, не в силах сдерживать гнев, легонько шлёпает сына по пальцам.



Вежливый

ВЕЖЛИВЫЙ

Я очень вежливый. Но я не виноват. Я просто робкий. Поэтому, когда со мной говорит взрослый, я только и могу ответить: «Здравствуйте, мадам. Большое спасибо. Пожалуйста. Да, месье…»

Как-то раз мама мне сказала: «Отнеси баночку варенья мадам Дюлонг-Дебрей. Но поторопись, и если она предложит тебе войти, скажи, что у тебя нет времени».

Так я отправился к мадам Дюлонг-Дебрей. Она живёт в старом доме, окружённом заброшенным садом. Там настоящие джунгли. С горем пополам мне всё-таки удалось протоптать дорожку, и я постучал в дверь.

— Здравствуй, золотце, — сказала мадам Дюлонг-Дебрей, отворяя дверь. — Как мило, что ты навестил старую одинокую тётю.

— Здравствуйте, мадам, — вежливо ответил я. — Мама просила передать вам…

— Входи же, золотце моё, — перебила меня мадам Дюлонг-Дебрей. — Не стой на улице, простудишься.

Я, конечно, не осмелился сказать «нет» и последовал за мадам Дюлонг-Дебрей в гостиную. Рукой она указала мне на старое продавленное кресло. Я вежливо присел. Ужас! Мне показалось, что я сейчас утону! Хорошо, что я успел ухватиться за подлокотники.

— Ты удобно устроился, золотце моё? — спросила мадам Дюлонг-Дебрей визгливым голосом.

— Да, мадам, — вежливо ответил я.

И вдруг я почувствовал ногой какую-то холодную гадость.

— Ничего, если Пуффи посидит у тебя на коленях? А, золотце моё? — спросила мадам Дюлонг-Дебрей.

— Конечно, мадам, — вежливо ответил я.

Взобравшись по правой ноге, Пуффи преспокойно расположился у меня на коленях. Он до того осмелел, что даже пощекотал мне нос своим шершавым языком. Вы себе не представляете, какими тяжёлыми бывают удавы.

Мадам Дюлонг-Дебрей на две минуты оставила меня с Пуффи вдвоём, затем вернулась со стаканом в руках.

— Держи, золотце, — сказала она. — Я принесла тебе яблочный сок.

Жидкость действительно походила на яблочный сок, но запах отличался. Я попробовал и понял, что это виски.

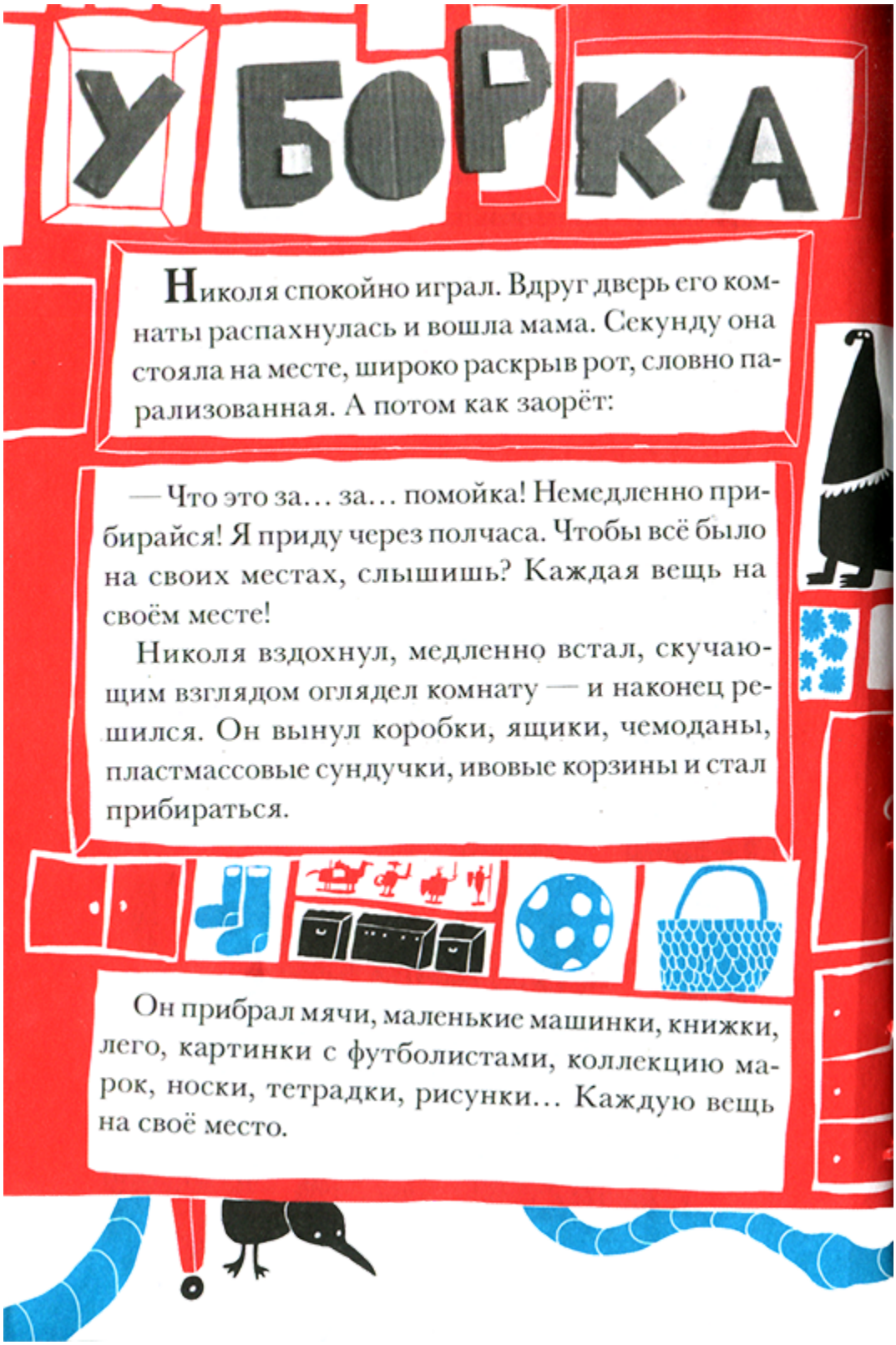
Я, конечно, не посмел ничего сказать и осушил стакан, страшно корчась, так мне жгло внутренности.

После этого я почувствовал себя странно, совсем по-новому. И когда мадам Дюлонг-Дебрей протянула мне пачку сигар, я оттолкнул их ногой, выбросил Пуффи в окошко, а старой ведьме сказал:

— Мадам Дюлонг-Дебрей, вы…

Нет, я не могу это повторить. Я не осмеливаюсь… Я слишком вежливый!

Уборка



УБОРКА

Николя спокойно играл. Вдруг дверь его комнаты распахнулась и вошла мама. Секунду она стояла на месте, широко раскрыв рот, словно парализованная. А потом как заорёт:

— Что это за… за… помойка! Немедленно прибирайся! Я приду через полчаса. Чтобы всё было на своих местах, слышишь? Каждая вещь на своём месте!

Николя вздохнул, медленно встал, скучающим взглядом оглядел комнату — и наконец решился. Он вынул коробки, ящики, чемоданы, пластмассовые сундучки, ивовые корзины и стал прибираться.

Он прибрал мячи, маленькие машинки, книжки, лего, картинки с футболистами, коллекцию марок, носки, тетрадки, рисунки… Каждую вещь на своё место.

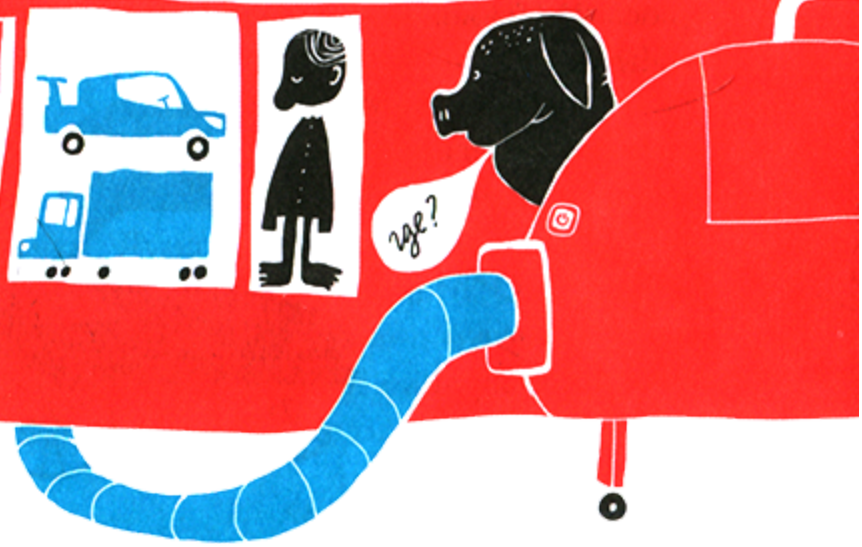
И поскольку у него ещё оставались коробки, он сложил в них свои мечты, желания, радости, печали, шалости, воспоминания, страхи, враньё… Каждую вещь на своё место.

Когда через полчаса мама вернулась, ничего больше не валялось. Порядок царил идеальный. Она позвала:

— Николя, ты где?

— Я здесь, — ответил голос. — На своём месте, на своём месте…

Она посмотрела вокруг, но Николя не увидела. Посмотрела под кроватью, под столом, за креслом. Никого. Тогда она открыла шкаф, выдвинула ящики, вынула коробки, сундучки, чемоданы, порылась на полках, всё разбросала… и тогда наконец нашла своего Николя.



Никого

Во входную дверь кто-то стучит.

Я кричу:

— Мама, кто-то пришёл!

Нет ответа. Я иду на кухню. Никого. Смотрю в комнате. Никого.

Я иду открывать. Никого. Я свешиваюсь с перил лестницы. Никого.

Я возвращаюсь в комнату. Звонит телефон.

— Алло?

— Алло? Алло? Ответьте!

Никого.

Я толкаю дверь в ванную. Включаю свет. Смотрюсь в зеркало.

Никого.

Мама

Мама, знаешь, было бы мило, если бы ты меня не любила. Или любила, но не с такой силой, а то ты как будто нарочно! А мне от этого только тошно. Твоя любовь похожа на пирожное, огромное и слишком жирное. Всё хорошо в меру. Но когда чересчур, то можно заболеть.

Утром, когда я ем тосты с джемом, ты сжимаешь меня в объятиях и называешь «котёночком», «ненаглядной ягодкой», «твоим любимым клопиком»… Мама, это опасно. Если я задохнусь, мне не поможет никакое лекарство.

А днём, когда ты забираешь меня из школы, ты набрасываешься на меня и целуешь в губы перед всеми друзьями. Пойми, в один прекрасный день я умру со стыда. Это случится по твоей вине, поэтому не говори, что я не предупреждал.

Ладно, ладно, не плачь. Слушай, у меня идея. Мы могли бы поделить твою чрезмерную любовь на кусочки. Думаю, Франсуа, наш сосед, с удовольствием бы взял себе немного. Отец напивается и колотит его, а матери никогда нет дома. И Софи бы согласилась. Её папа ухал в Австралию, а мама снова вышла замуж, за англичанина.

Так что, я думаю, время от времени ей очень даже пригодится чуточка любви.

И потом, мама, если у тебя столько любви, почему ты не прибережёшь хотя бы немного для папы? Знаешь, я был бы не в обиде. И он, готов поспорить, не откажется. Может, он даже отважится вернуться домой, если ты будешь его капельку любить. Как тебе кажется?

Приём у врача

— Ах, доктор! — стонет людоед. — Что-то мне совсем нехорошо. Чувствую страшную тяжесть в животе, и меня всё время тошнит. Если так дальше пойдёт, придётся сесть на диету.

— Посмотрим-посмотрим, — говорит врач. — Не волнуйтесь так. Может, всё не так уж и серьезно. Расскажите, что вы ели в последнее время.

— Ну, — вздыхает людоед, вспоминая, — позавчера я проглотил сельского полицейского, велосипедиста и продавщицу фруктов и овощей. Все они были свежими и не слишком жирными.

— Да, от такого не заболеешь, — сетует врач, почёсывая подбородок. — А что ели вчера?

— Вчера я закусил учительницей и несколькими её учениками. Точную цифру назвать не могу они — просто крохи в этом возрасте.

— Но вы не съели весь класс целиком? — спрашивает доктор очень серьёзно.

— Нет, — отвечает больной. — Кое-кого я оставил на полдник. А на ужин я сделал сэндвич с жандармом и двумя директорами завода. На десерт была прима-балерина. В пачке.

— И всё? — вопрошает врач.

— Да, — подтверждает людоед.

— Вы уверены? — продолжает доктор. — Подумайте хорошенько.

— А, точно! Вспомнил! — восклицает людоед. — Проходя по лесу, я поел немного земляники.

— Теперь всё ясно! — заключает врач. — Всё дело в землянике!

— Думаете, это опасно? — беспокоится людоед.

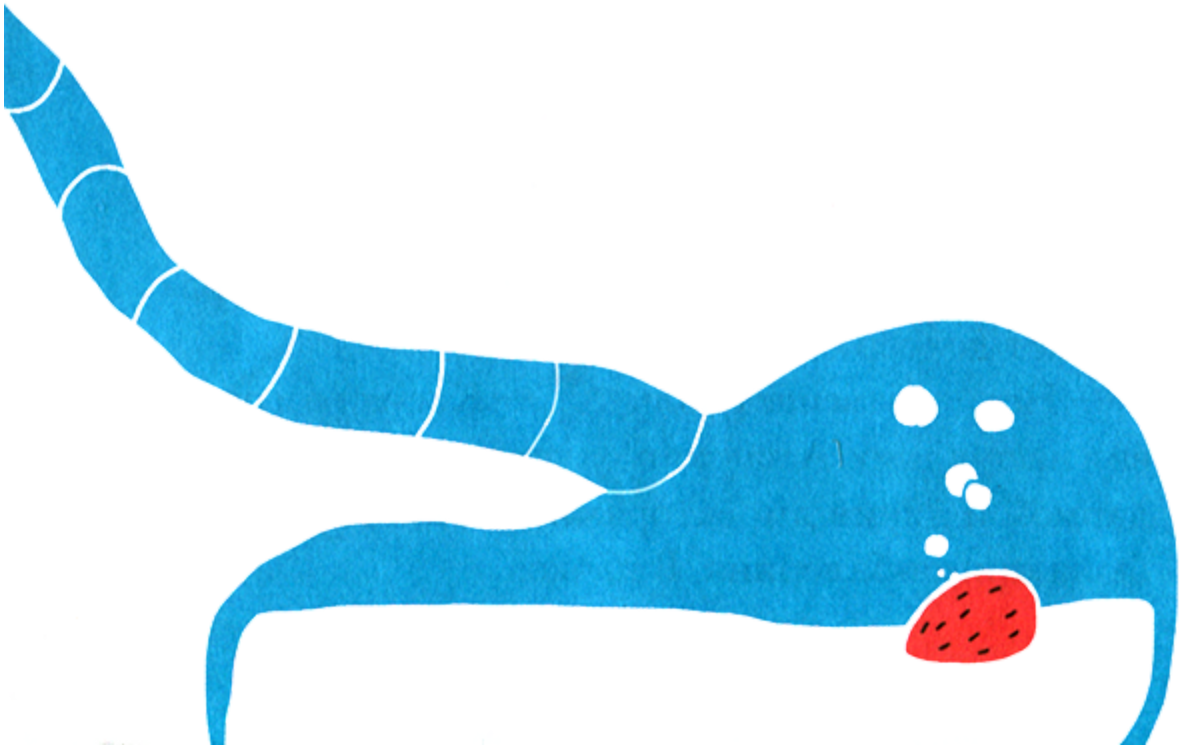
— Вовсе нет! — подбадривает его врач. — Вот, выпейте этот порошок, и через полминуты всё пройдёт.

— И не надо садиться на диету?

— Ни в коем случае. Питайтесь как обычно. Но постарайтесь воздержаться от земляники и лесной малины!

— Ах, доктор, спасибо большое! Спасибо!

Тут к людоеду возвращается былой аппетит. Он быстро надевает ботинки, куртку, хватает доктора и проглатывает его одним махом.



Я тебя лубью

У всех есть подружки. А у меня есть врагиня. Её зовут Вирджиния. Мы знакомы ещё с детского сада. Но раньше её словно не было. Теперь всё иначе. Я думаю о ней постоянно. Даже ночью, когда сплю.

Я её ненавижу. Она уродливая, просто безобразная, как из фильма ужасов. У неё светлые кудрявые волосы и большие голубые глаза, глаза цвета жидкости, которую наливают в унитаз.

Каждый день я пишу ей записки. Не ласковые слова, а грубые, например: «Неуклюжая супница, оставайся в своём буфете». Или: «Грязный слизняк, хватит ползать по моему салату». Она отвечает мне на почтовой бумаге зеленого, как шпинат, цвета, спрыснутой жавелевой водой и с нарисованными скелетами.

Когда мы строимся парами, я встаю за ней, чтобы ставить ей подножки на лестнице. А она по три раза оборачивается и щиплет меня за ноги. Больно, кстати.

Это первая в моей жизни девочка, которую я так ненавижу. Я буду ненавидеть её всегда, уверен, даже через десять лет, когда вырасту. Интересно, а тогда она ещё будет думать обо мне? В прошлый четверг она

подралась с Фредериком. Перед всеми схватила его за нос и потянула с криком: «Я тебя ненавижу! Я тебя ненавижу!»

Я чуть не умер от ревности, но сделал вид, что ничего не слышал. Иначе она бы обрадовалась. Из мести я не обращал на неё никакого внимания, когда мы вошли в класс. Я даже ей улыбнулся — пускай думает, что я её больше не ненавижу. На уроке математики я отправил записочку Рашель, девчонке, которая сидит с ней за одной партой. Я написал: «Рашель поела вермишель, потом поела вшей, теперь поест мышей». Я специально промахнулся, чтобы записка упала на стол Вирджинии. Она побледнела.

После урока она за мной побежала. Я тоже бежал, но она меня всё-таки догнала и вонзила ногти прямо мне в руку. Я не защищался. Она чуть не умерла от ревности и прокричала прямо мне в ухо:

— Давай, скажи мне, что ты меня ненавидишь! Скажи!

И тут я заорал ещё громче, чем она:

— Нет! Я никогда тебя не ненавидел! Наоборот, я тебя люблю! Люблю!

Она не ответила. Отвернулась. Я увидел, что она заплакала. И тогда я дал ей пинка. Чтобы успокоить.

Холодильник

Они говорят, что я нап***и***сал в кровать. Но это неправда. Кровать — чтобы спать. Она действительно мокрая, но я туда не писал.

Я сто раз объяснял, но они не верят. Только смерят строгим взглядом и говорят, что я болтаю ерунду.

Это что — моя беда, если в мире одна ерунда?

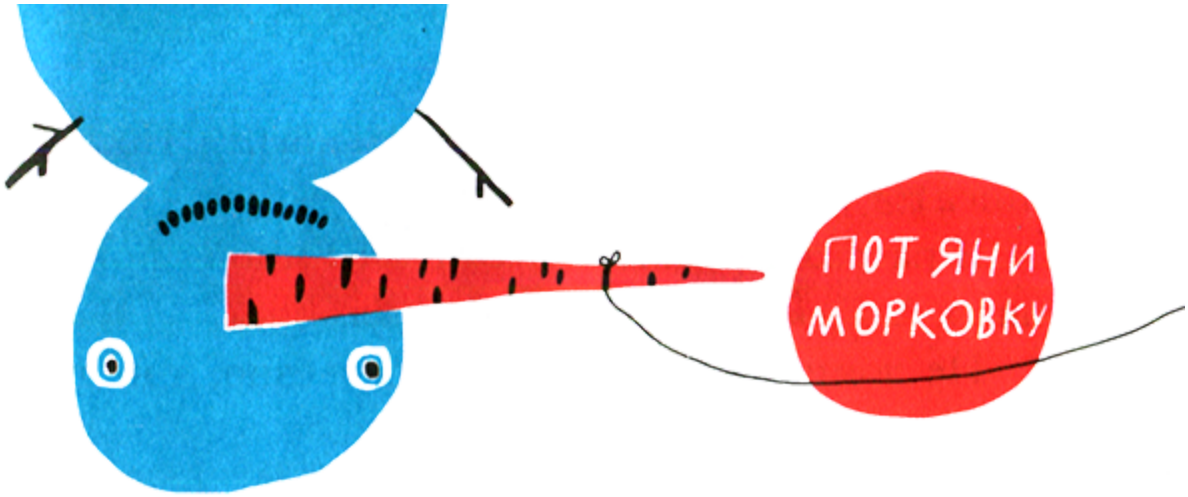
Как-то ночью, например, я проснулся от голода. Встал, чтобы посмотреть, осталось ли немного шоколадного торта. Но когда я открыл холодильник, я чуть не упал в обморок. Там преспокойно расположились три снеговика, они сидели между сковородкой с мясом и миской с фруктовым салатом и смотрели на меня свысока.

— Так ты заходишь или выходишь, ягодка ты наша? — обратился ко мне один из них. — С открытой дверцей слишком жарко.

Поскольку я не реагировал, он дёрнул меня за руку, а его приятель захлопнул за мной дверцу.

Я не особо обрадовался, но они мне ничего плохого не сделали. Рассказали кучу историй, научили нескольким играм. Самая забавная игра — «Потяни

морковку». Не буду объяснять правила, слишком сложные.



Потом снеговики для меня пели. Но поскольку они знают только колыбельные, я быстро уснул.

Меня разбудила веточка сельдерея.

— Поспеши, — сказала она. — Прошло уже пять часов. Надо возвращаться в кровать.

Я посмотрел вокруг. Три друга куда-то пропали. Но! Угадайте, что со мной приключилось? Я был с ног до головы в снегу, как настоящий снеговик. И снег меня согревал не хуже лыжного комбинезона!

Я вышел из холодильника и вернулся в комнату. Я с трудом шевелил ногами, чувствовал себя истуканом и скользил по плиточному полу, будто на коньках.

Потом я снова лёг в кровать. Я так устал, что сразу же уснул.

В семь утра папа разбудил меня с воплем: Лионель, что это такое? Ты снова описался! В твоём-то возрасте!

И правда, постель была совсем мокрая. Но я не писал, просто снег на мне растаял.

Я рассказал папе о том, что со мной произошло. А он, как всегда, не поверил.

Не понимаю почему. Нет, серьёзно, я не понимаю…

абсолютно
ничего не
понимаю

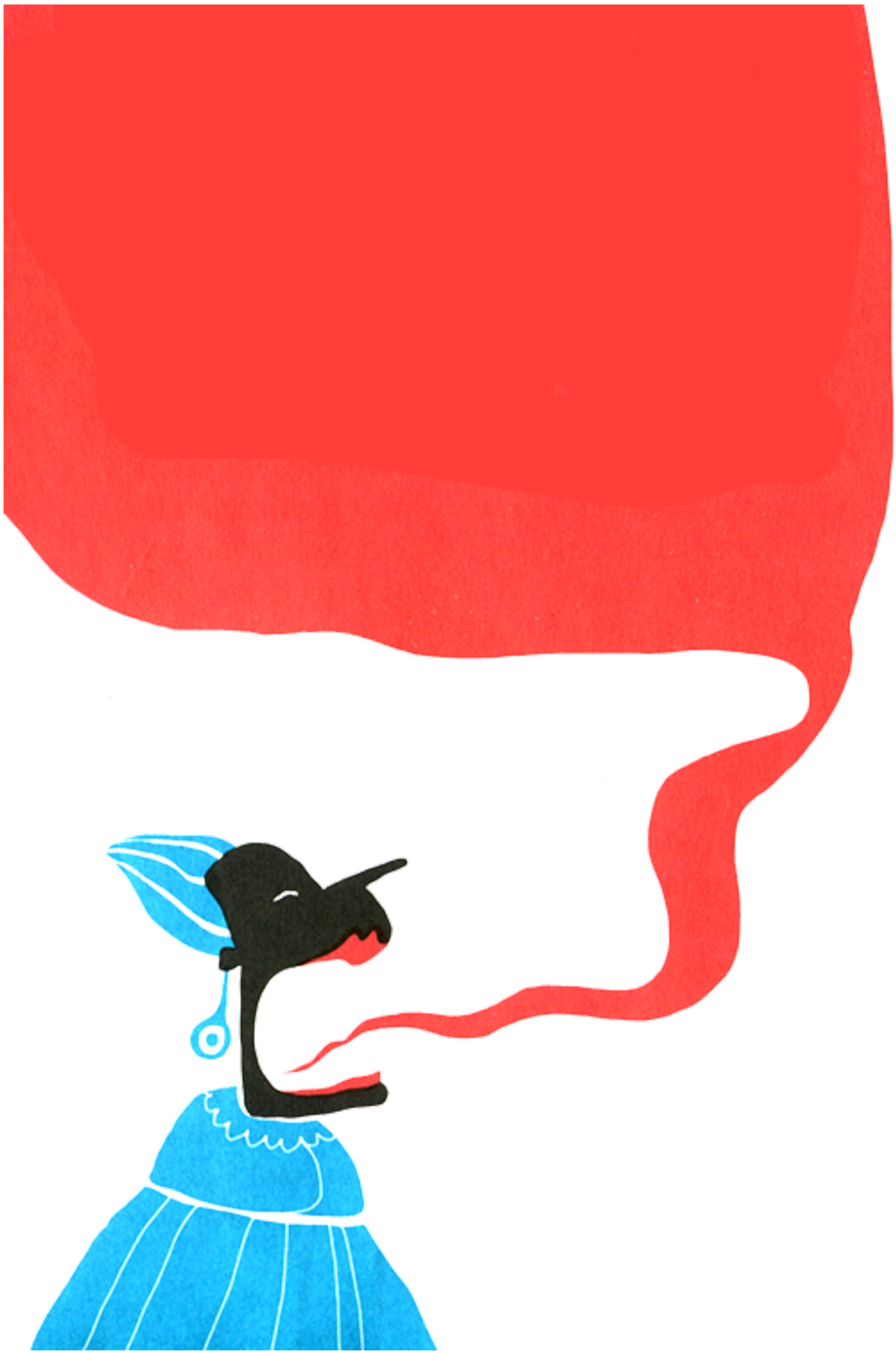
Диалог

— Иди сюда! Мне надо с тобой поговорить! Мадам Бутлу сказала, что ты обозвал её пуделя свинухой, покрытой волосами, это правда? И не стыдно? Чем тебе насолила бедная собачка? Тяпнула за палец? Милый маленький пусик мухи не обидит! В каком свете ты меня выставил перед мадам Бутлу! Ты не подумал? Эй, ты меня слушаешь? Я задала тебе вопрос. И не надо разглядывать ботинки, я с тобой разговариваю! Будь добр, пойди к ней, извинись! Никаких отговорок, это приказ! А для Билли захвати косточку. Бедный маленький пусик. Как ты мог? Ты способен ответить за свой поступок? В любом случае для тебя нет извинений! Тряси головой сколько угодно, меня этим не проймёшь. Молчи-молчи, какие уж тут слова. Но я имею право сделать тебе замечание! Думай, прежде чем говоришь! Иногда это очень полезно! Ты слушаешь меня или нет? Отвечай! О, я знаю, что ты скажешь, придумаешь какую-нибудь нелепую историю! Да-да, знаю я твои уловки, молоть чушь ты горазд! Интересно, в кого ты такой уродился! И не перебивай, когда я говорю! Нет, это уже слишком! Если ты думаешь, что последнее слово останется за тобой, то ты ошибаешься, птенчик! Он теперь ещё дуется! Маленький господин обижен! Раз так, я с тобой вообще больше говорить не стану! Можешь умолять, кататься у меня в ногах, я буду немой

как могила! Тебе стало не по себе? Так тебе и надо! Я предупреждала! Это научит тебя не перебивать старших. Увидишь, что скажет твой отец, когда вернётся. Ай-ай-ай, неужели мой болтунишка уже не хорохорится…

И так далее.

(У этой истории нет конца. Но я не виноват.)



Рокси

Мне очень хотелось иметь щеночка.

А у меня появился братик.

И выбора мне не оставили. Папа сказал:

— Никаких собак в доме, посмотрим, как ты будешь заботиться о младшем братике! Угадай, как мы его назовем? Симон! Нравится?

Мне всё равно. Я вот уже придумал имя для щенка: Рокси.

Когда ребёнок родился, я не захотел посмотреть на него в роддоме. Но потом его привезли домой.

— Ты только глянь, какой он хорошенький! — сказала мама.

Так что пришлось всё-таки посмотреть. Да, он действительно был хорошенький. У него была маленькая сморщенная мордочка, длинные чёрные волоски на голове и крохотные лапки, которые он сжимал в кулачки.

Тогда я к нему наклонился и нежно сказал ему на ухо:

— Привет, Рокси, это я, Франсуа. Слушай, ты не хочешь стать моим щенком? Только моим!

Рокси открыл глаза, посмотрел на меня, и я понял, что его взгляд значит «да».

С тех пор мы с Рокси друзья.

Я даже купил ему на свои карманные деньги пластиковую кость, которая щёлкает, если на нее надавить. Папа сказал, что это глупо и Симону не понравится. Но это было не для Симона, а для Рокси. И ему очень понравилось. Кость стала его любимой игрушкой, он с ней даже спит.

Потом я его всему научил: ходить на четвереньках, ловить мячик, прятаться под кроватью… Мы каждый день ходили в парк и там играли: я кидал кость, а он мне её бегом приносил.

Ещё я научил его лаять. Когда он произнёс свое первое «гав-гав», папа ужасно обрадовался. Он сразу же позвонил всем родственникам и объявил:

— Симон сказал своё первое слово! Догадываетесь какое? «Папа!»

Иногда мой папа совсем ничего не соображает.

В прошлую субботу бедному Рокси пришлось нелегко.

Мама с папой вернулись из магазина с ивовой корзиной, в которой сидел щенок.

— Держи, — сказали они, — это тебе. Братик вырос, так что теперь можешь играть с собакой. Кажется, ты хотел назвать его Рокси?

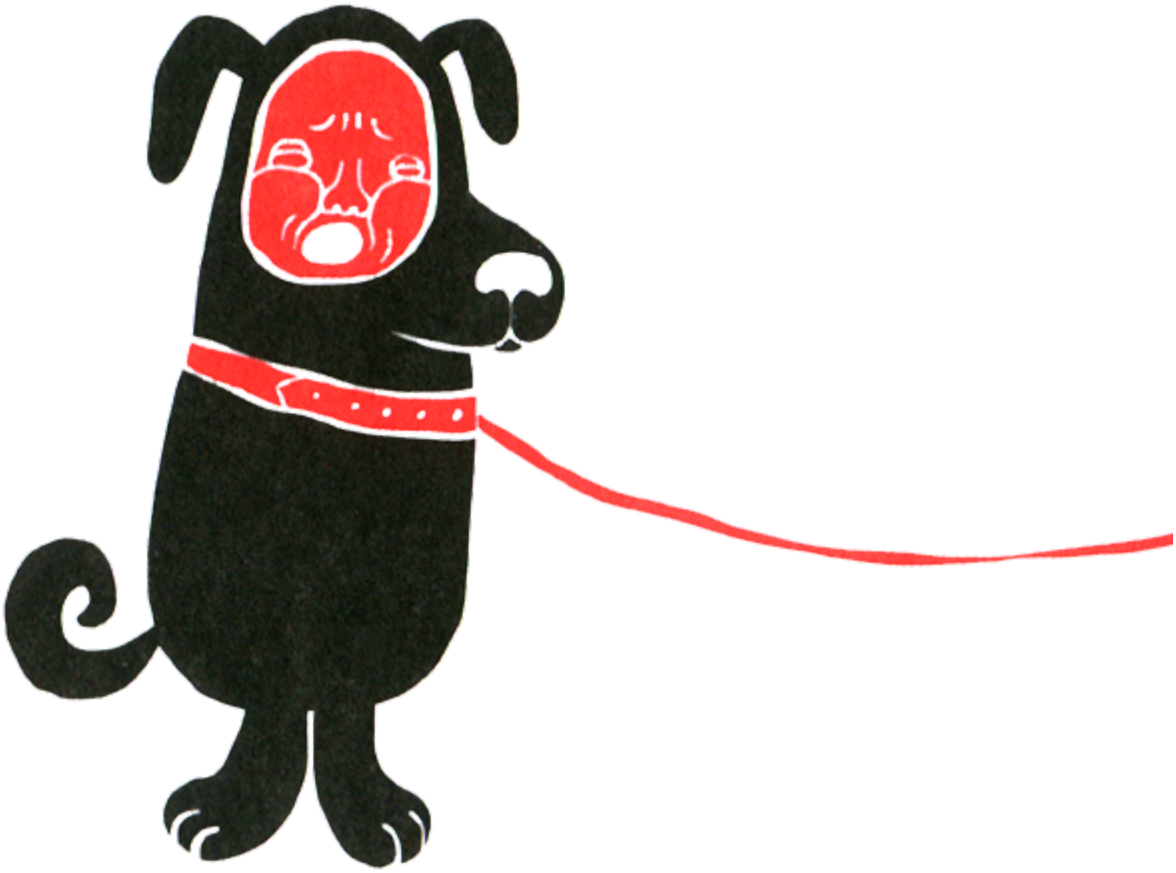
Рокси ничего не сказал. Он только прижался ко мне и заглянул в корзину. Но я его понял.

Я усадил его к себе на колени, дотронулся до его мордочки и ласково почесал ему за ухом:

— Не волнуйся, Рокси, ты навсегда останешься моим щенком. А этот будет просто братом, ладно? Назовём его Симон, ладно?

Рокси посмотрел мне прямо в глаза и уткнулся носом мне в живот.

Я понял, что он согласен.



Если…

Если мама отправит меня за хлебом, чтобы не идти самой; если я надену новый джемпер — бело-голубой; если она придёт в булочную и встретится там со мной; если будет она одна — без собаки и младшей сестрёнки; если в сторонке она улыбнётся мне и попросит её проводить; если мы будем одни и не встретим никого по пути; если срежем по полю и, проходя мимо старой часовни, попадём в грозу; если будет хлестать вовсю; если спрячемся мы в часовне; если гром загремит бессовестно; если молния сверкнёт рядом с нами; если ей станет страшно и она заморгает мокрыми глазами…

…я возьму ее за руку и скажу:

Большой-маленький

На самом деле брусчатка на мостовой вовсе не брусчатка. Это кусочки сахара. Один за другим я вынимаю их щипчиками для сахара и бросаю в кофейную чашку.

На самом деле моя кофейная чашка не чашка. Это бочка с ручкой.

Ну а если я оторву у неё ручку, она и бочкой перестанет быть. Станет моим зубным стаканом — то есть стаканом, где я держу зубную щётку.

Моя зубная щётка на самом деле не щётка. Это весло, сверху покрытое красной и белой щетиной.

Я бросаю весло в океан. Но на самом деле бросаю в раковину с водой.

Я смотрю в зеркало — я великан. Или великан это я. Или не я, а гном. Или не гном, но… кто?

Гном или великан?

Малыш или мальчуган?

Мама говорит: «Мой малыш».

Доктор говорит: «Малышня».

Соседка говорит: «Бедная крошка».

Но мама возражает: «Мой большой мальчуган».

Комар

Я жду, чтобы они легли спать. Так, ладно. Мужчина выключает свет. Отлично, можно начинать. Я завожу свой маленький моторчик: бзззззррр, бзззззррр…

МУЖЧИНА: Чёрт! Комар!

Он включает свет. Но я это предвидел. Я быстро вырубаю мотор и прячусь. Ищи сколько влезет, всё равно не найдёшь меня, толстый свин. Наконец он снова тушит свет. Я возобновляю возню с моторчиком. И бззрр… и бззррр… Давай, приятель, не находи себе места, ворочайся в постели, положи подушку на голову, я останусь здесь и буду наслаждаться. Поднимаюсь, опускаюсь, щекочу у тебя в носу, раздражаю твои барабанные перепонки…

ЖЕНЩИНА (кричит): Альбер, сделай что-нибудь! Я с ума сойду!

Давай-давай, Альбер, вставай, включай свет. Ну и ну! Как сложно вылезти из кровати! Но ты постарайся, нащупай свои тапочки, давай, старик, повеселимся! Ты меня видишь? А ты меня слышишь? Убей меня! Подпрыгни! Нет, слишком высоко для тебя. Тогда заберись на кровать!

ЖЕНЩИНА: Ай, ты мне на ногу наступил.

Перестань! Я сейчас умру от смеха! Вот умора… бззрррр… бззрррр… Да ты не там смотришь! Ку-ку! Я

тут! Паф! Промазал, папаша! Паф! Опять промазал!

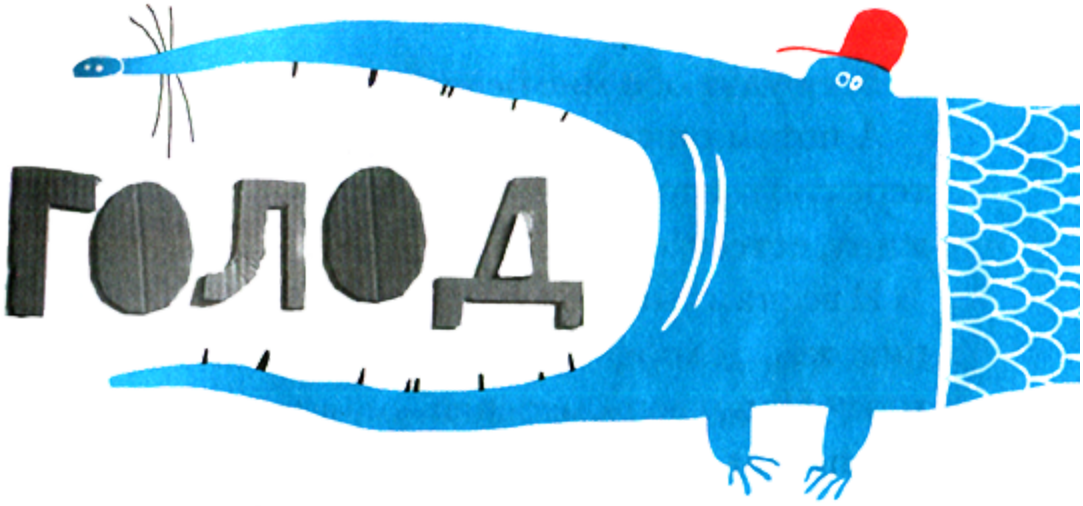
О, нет! Ты больше не в игре? Тогда ты полный отстойник! Ты снова ложишься в постель? Я какое-то время выжидаю. Затем снова иду в атаку и кусаю! На этот раз в шею! Увидишь завтра, когда наденешь рубашку. А теперь я пью твою кровь. А-а-а-а! Господи, да ты назюзюкался! У тебя в крови как минимум три грамма алкоголя, старый негодник!

Возьму реванш на твоей жёнушке. Ммм, вкусно, сладко. Наверное, твоя благоверная любит пирожные.

Ладно, я хороший, так что оставлю вас в покое. И спасибо за ужин! Я с трудом отрываюсь, так переполнен мой резервуар, ах!

Ужас! Что это такое? Во что я вляпался? Я в ловушке! Мама! Это паутина! Скорее, я должен вырваться… Слишком поздно! На помощь! Вот он! Паук! Он приближается… Не-е-е-ет! Не-е-е-ет! Не-е-е-е-е-е-е-ет…

Голод



Всё.

Я больше никогда ничего не буду есть.

Я умру от голода.

Мама может лить слезы, угрожать, умолять, это ничего не изменит.

«Ложечку за папу, ложечку за бабушку, ложечку за тётю Анни, ложечку за любимую мамочку…» — довольно с меня всего этого.

Сначала уехал папа. Очень далеко отсюда. В Канаду, я думаю, или в Гватемалу.

Потом умерла бабушка.

А тётя Анни ушла в монастырь.

А любимая мамочка плевать на меня хотела с тех пор, как встретила своего господина Дабера. Она выйдет за него, так она сказала. Потому что он богат. Неудивительно, ведь пирожные в его кондитерской стоят дороже, чем икра или печень с трюфелями.

Но мне всё равно: завтра я объявлю голодовку.

Я стану худым и костлявым. Как спичка. Смогу просачиваться под дверями и между оконными рамами.

Все будут обо мне беспокоиться.

А потом однажды ночью я проникну в кондитерскую господина Дабера. Через замочную скважину, естественно.

И всё там уничтожу. Всё-всё-всё: ромовые бабы, пирожные с кофейным кремом, бриоши, круассаны, торт «Наполеон», меренги, «мадленки», миндальное печенье, пончики с баварским кремом, шоколадки, леденцы из ячменного сахара, грушевые пироги… Всё-всё-всё! Я съем всё!

Моя сестра

Я посмотрел на сестру. Она спала в колыбельке. И какой же она была уродливой! Я перевернул её на живот. Но светлые блестящие волосы всё ещё раздражали мой взгляд. Я повыше натянул на неё одеяло. Недостаточно. Я положил ей на голову две подушки. И закрыл глаза. Ничего не вышло — теперь я представлял её.

Я пнул её колыбельку, и сестра из неё выпала. Я схватил её за волосы и потряс. Малыши не особо тяжёлые. Но я потряс её очень сильно. Она пропищала: «Мама-мама-мама…». И замолчала. Я подбросил её вверх, и она упала на кровать с широко открытыми глазами.

Вошла мама. Мама сказала:

— Что ты сделал с куколкой?

Я ответил:

— Это моя сестрёнка.

Она вздохнула. Опустилась на край кровати очень медленно из-за своего большого живота, который у нее на коленях напоминал корзину с бельём. Мама прижала меня к себе.

— Знаешь, — сказала она, — у тебя будет не сестрёнка. Я сегодня встречалась с доктором. Он посмотрел мой живот с помощью специального аппарата, чтобы узнать, здоров ли ребёнок. У тебя скоро появится брат.

Я переспросил:

— Младший брат?

— Да, — ответила мама.

Я подумал. А потом сказал:

— Ладно, это уже лучше.

Я взял куклу, положил в колыбельку и бросил на неё долгий взгляд.

Всё-таки она была ужасно уродливой…

ЭТО ЖЕ
ПАРЕНЬ.

Письмо автору

Мессье!

Мне очень понравилась ваша книга. И я в этом не одинока: у нас дома все её любят. Особенно Анита, моя сестрёнка. Она всюду её за собой таскает. Даже спит с ней. А когда принимает ванну, кидает её в воду. Говорит, что это подводная лодка.

Моим родителям ваша книга так понравилась, что каждый из них купил себе по десять экземпляров. Когда они ссорятся, то швыряют её друг другу в лицо. Они утверждают, что это намного лучше, чем тарелки, ведь книги не бьются и долго служат.

Мне в вашей книге больше всего понравилась страница 142. Там я выращиваю червячков для рыбалки. Я намазала страницу камамбером и жду, пока она заплесневеет. Червячки это обожают.

Единственный, кому не понравилась ваша книга, — мой дедушка. Но он сам виноват — он её зачем-то прочитал! Что за нелепость?!

Пребывая в вечном восхищении,

Ваша Элоди.

совсем
не хочу

абсолютно
ничего не
понимаю

все
мое